

Анна
ЗОТОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ИМПУЛЬС

#ЯРОСТЬ

Диана Зотова
Импульс #Ярость
Серия «Хэштегнутые»

<https://litres.ru/74431098>

SelfPub; 2026

Аннотация

Его ярость не знает границ!

Он привык, что мир гнётся под его яростью. Он тот, кто берёт силой, не спрашивает и не щадит. Но судьба наносит удар, который невозможно игнорировать, и теперь единственный путь избежать проблем ведёт назад — в город, где воздух пропитан старыми ранами и злостью, которую не смыть.

Именно там он сталкивается с ней — девушкой, которая не боится его и какимто образом пробирается туда, где давно всё выжжено. Она пробуждает в нём то, что должно было остаться в прошлом.

Зачем?

Содержание

Пролог	5
***	6
Глава 1	9
1.2	18
Глава 2	24
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Диана Зотова
Импульс #Ярость

Пролог

Очень прошу — не пишите в комментариях спойлеры или описание сюжета. Многие будут читать книгу после ее завершения и не хотят видеть такие подробности.

Но! Если вы хотите обсудить сюжет, то сделайте это на моих личных страницах, где я выпускаю клипы к этой непростой истории.

В моем канале ВК и на канале в МАКС.

С разукрашенной и разбитой мордой, покрытой синяками и ссадинами, я уставший, как собака подошел к мужчине в джинсах и бежевом пиджаке. Как только он заметил меня, его охватила дрожь, и он заметался на месте, словно уже пытался отыскать, к кому обратиться за помощью. Его глаза испуганно бегали из стороны в сторону.

Мне было забавно. Ему нет.

— Расслабься. Я просто после ринга, — хмыкаю я и протягиваю ему руку для рукопожатия.

— Так вы Вильям Ярышев? — хмурится он, но руку всё же протягивает в ответ. Пальцы у него тонкие, мягкие, и это несоответствие царапает, как чужеродный элемент в привычной картине моего мира.

Черт. И как он здесь выжил?

— Ага. Арсений сказал, вы квартиру покажете и ключики вручите, — цокаю я и нагло иду в подъезд первым, чувствуя на себе его растерянный взгляд.

— Да! Конечно, — восклицает он, поспевая за мной. — Машина, конечно, у вас огонь, — хмыкает он, бросая взгляд через плечо на мой черный спорткар.

Я устало улыбаюсь с ноткой вызова, которая не дает никому забыть, кто здесь страшный и ужасный. Закидываю спортивную сумку через плечо и открываю двери подъезда.

— Этаж какой?

— Так, самый верхний, — кивает риэлтор наверх, нервно поправляя пиджак, ведь он боится и не знает, как себя вести со мной. Мне его почти жалко, но жалость — это слабость, которую я не могу себе позволить.

Иду дальше по лестнице, а когда добираюсь до третьего этажа, из-за угла на меня налетает девчонка. Врезается со своей скоростью мне в грудь и плюхается на задницу прямо передо мной. Удар несильный, но неожиданный и отдаётся в теле не болью, а странным, колючим импульсом, подобно искре, что пробежала по коже. Девчонка хлопает своими длинными чёрными ресницами, как будто сама не верит, что это произошло. Хмурит брови, переводя взгляд с меня на риэлтора и обратно.

— Смотреть по сторонам не учили? — закатываю я глаза и перешагиваю через неё, уже сделав шаг вперёд.

— Быть добрее не получается? — бросает она мне в спину, отчего я застываю на месте, будто кто-то пригвоздил меня к этим ступеням.

Оборачиваюсь и смотрю на неё уже с прищуром, чтобы изучить лучше. Потому что такого ответа я и вовсе не ожидал. Обычно мне так ответить бояться. А она... смотрит прямо и, кажется, не боится.

Девчонка совсем не модно одета. Скорей обычно, словно новостную ленту в телефоне не смотрит и не видит, что сейчас её ровесницы носят. В общем, одежда на ней база: джин-

сы потёртые, белая футболка, бомбер цвета хаки. Но в этой простоте есть что-то, что цепляет взгляд и не даёт пройти мимо, будто в ней пульсирует не отрепетированная живость. Естественность?

Волосы волнистые и густые, длинные — до задницы, которую она отряхивает, даже не смотря на меня. Она нервно смахивает волосы за плечи и срывается на бег вниз по лестнице, после того как подняла наушник со ступеньки и вставила его в ухо.

А я только сейчас понял, когда дверь подъезда хлопнула, что на какой-то черт запомнил цвет её глаз. Болотный!

Глава 1

Её старания были до тошноты совершенны. Она как кукла, которую научили казаться нужной. Она цеплялась за этот момент, будто от него зависело все её маленькое, жалкое будущее. А у меня от этого вида внутри желудка вдруг резко заскрежетало. И стало так мерзко даже от самого себя, что вообще позволил это сотворить со мной именно ей.

Захотелось отвесить какую-нибудь колкость на этот счёт. Чтобы прекратить это все и дать возможность ей скрыться из моего поля зрения.

И это было бы просто идеально!

Но я не стал. Потому что сейчас нельзя. Ведь я мчался по ночной улице на новой новой тачке, превысив все разумные показатели скорости. Гнал, как в каком-то безумном боевике из категории «только для взрослых». Ветер хлестал по стеклам, город мелькал рваными огнями, дождь лил как из ведра. И эта бешеная скорость на секунду глушила чувство безразличия, заставляя удовлетворенно улыбнуться.

Я не жалею тех денег, которые неделю назад положил на стол менеджеру в автосалоне. Да, сумма была солидной. Но за неё я получил не просто машину, а настоящего зверя на колесах, который отзывается рычанием на нажатие педали газа. И за эту сумму мне пришлось всего-то пару раз показать себя в ярости.

Пустяк! Могу и больше. Да и сделаю — когда понадобится.

Я уже был близок к финалу. А потому сильнее вжал ногу в педаль газа, намереваясь слиться с этой из черной стали бестией в единое целое. Чтобы стать одним рычащим и лтящим вперед механизмом.

Приближающийся всплеск, что втягивал в себя красивое лицо одной из моего личного арсенала подстилок, предельная скорость и кайф от предстоящей бойни наполняли мою душу парами невозмутимо чистой эйфории. Густой и опьяняющей настолько, что это почти можно было назвать необходимой зависимостью. Я дышал этим, втягивал в себя, как ароматный дым. И ведь на секунду даже поверил, что смогу удержать эту смесь внутри, чтобы не дать ей разорвать меня на куски.

— Да-а-а, давай в ритме! Да, вот так...

Я загнанно шептал, одной рукой управляя новым автомобилем: пальцы впивались в руль, костяшки растягивали кожу, а мышцы вздувались, уже готовясь лопнуть от напряжения. А другой рукой удерживал макушку. За светлую гриву волос, чуть оттягивая назад, я заглядывал в ее покорное лицо. Её глаза были наполнены желанием, словно темный туман.

Тачку заполнили яркие и влажные для милой девушки звуки. Их даже сквозь оглушительный бас музыки было идеально слышно, будто выкрутили громкость на максимум и

дали насладиться этой симфонией. Меня это успокаивало на короткое время. Ведь это было необходимо мне, чтобы в первые секунды боя его не закончить одним точным ударом. Сегодня нужно было дать публике шоу. Настоящее, незабываемое представление.

Закусил губу до боли, пытаясь не стонать. Ведь, чёрт, это, что она творила и правда было незабываемо! Именно эта смесь опасности, власти, животного наслаждения и достаточно большое количество влажности.

Вот только девчонке этого знать не дам... Не должна знать. Слабаки показывают слабость. Ну а я не из их числа.

Но я не сдержался:

— Ммм... — с моих губ сорвался стон. И по телу прошла болезненно-сладостная судорога, которая пронзила каждую мышцу, будто электрическая сетка вспыхнула прямо на мне, выжигая остатки самообладания.

Я закатил глаза. И мне даже показалось, что я сейчас рискую потерять управление и вписаться в ограждение. А там уж разлететься на куски...

«Не лучший способ расстаться с жизнью!» — саркастично мелькнуло в черепной коробке.

Когда я, наконецто, притормозил около освещённой неоновыми огнями высотки, что была яркой, как фальшивая улыбка продавца, выдохнул с хриплым смешком.

— Вильям... — блондинка с выдающимися полуокружностями подняла голову и заняла нормальное положение на

пассажирском сидении автомобиля.

Она поправила юбку наигранно-невинно, как будто не она только что была занята делом куда более приземленным. И, откровенно говоря, плевым для нее.

Ну потому что я точно понял, что в этих очаровательных устах был не один.

— М-да уж, — хмыкнул я.

Я застегнул ширинку с ленивым щелчком, глядя на неё с откровенной скукой. И чувствовал, как раздражение снова царапает изнутри, смешиваясь с печальной усталостью.

Она невинно хихикнула. А меня этот звук резанул, как царапанье когтей по стеклу. И я поморщился, ведь во рту появился металлический привкус мерзости.

— Слушай, кисунь. Это было хорошо. И, кажется, окончание было тоже ничего, да? — оскалился я, подмигнув ей с явной издевкой. А там уж вытер подушечкой большого пальца уголок ее рта, где осталось последствия ее труда.

Пальцы блондинки дрогнули, будто она хотела перехватить мою руку, но не решилась так поступить. Потому что меня она знала не понаслышке. Наш общий знакомый явно дал понять ей, что от меня хорошего отношения ждать не стоит. Но разве мотыльку не плевать когда он летит на свет?

— Да... — улыбнулась смущённо девчонка, заправляя за ухо светлую прядь волос. Она пожала плечами, раскрасневшись вся целиком и полностью, как невинная после робкого поцелуя.

Смотреть на это было отвратно. Я рефлекторно глаза закатил в такой очередной раз. Ибо у меня на такое всегда отворачивание подкатывает, словно кто-то сыпанул песка в стакан с дорогим виски. Эта фальшивая скромность, эти попытки казаться невинной для меня были дешевым спектаклем, который я смотрел уже неоднократно.

— Сваливай, — хмыкнул я. Это было уже без какого-либо энтузиазма. Я почти безразлично посмотрел на неё.

— Что? — хлопнула она своими нарощенными 4Д ресницами.

Она как и все предыдущие сделала вид, будто не поняла с первого раза. В её взгляде даже промелькнуло что-то схожее с растерянностью. И на долю секунды мне почти стало жалко её. Но это чувство тут же растворилось в привычном отращивании.

Я хмыкнул снова, только уже по своей душе. Которую конкретно так убил сейчас за то, что вообще дал этой даме несколько минут назад почувствовать себя особенной. Как будто в ней было что-то, кроме красивого фантика и пустых глаз с густыми ресницами до бровей.

— До тебя так туго доходит? — устало вздохнул я, смотря на лобовое стекло, за которым мерцали неоновые огни ночного города. Они ярко-кричащие, причем такие же фальшивые, как её улыбка. А в отражении я видел своё лицо, что сейчас было жёстким и с тенью усталости в уголках глаз. Это лицо мне тоже не нравилось.

— Но...

— Свали. И не тяни мое время, — резко перебил я.

— Почему? — нахмурилась она. И смотрела на меня так, как будто это я невменяемый, а не она тут корячилась меня присвоить.

Ну почему как? Я есть он — тот, кто не играет по чужим правилам. Тот, кто диктует свои обычные условия. Или же берет, что хочет, а потом выбрасывает наружу за ненадобностью. Обычный ублюдок. Здравствуйте, я Вильям!

— Потому что работа ты усердно! Закончил с непосильным трудом, пытаюсь хоть как-то устоять подольше. Но, увы и ах, ты оказалась ужасно превосходным профессионалом, — выдал я. А там уж приподнял одну бровь, смотря на неё выжидающе, без тени шутки.

Ну потому что слышать продолжение её словесного дерьма я не собирался. Вообще этого никогда не делал. Да я терпеть не могу женские сопли и оправдания. Они липнут, как дешёвый сироп, и оставляют после себя только горький осадок. Это мерзко.

— Козёл! — прошипела она. Глаза выпучила так, что сверкнули они ненавистью. Потом бросилась наружу с силой дёрнув ручку двери.

Дверью хлопнула так, что я кулаки сжал, от вдруг вспламенившегося чувства раздражения. Потому и сорвался резко опустить стекло, чтобы высунуться наружу и прорычать ей в спину:

— Эй! У парня своего так хлопать дверями будешь, овечка!

— Да пошёл ты, мерзавец! — бросила она через плечо, уже удаляясь вперёд дальше от машины.

— Живи, — подмигнул я и, оскалившись, отдал ей под козырёк с издевательской вежливостью. А потом вдавил педаль газа, чувствуя, как машина рывком бросается вперёд, как будто сама жаждет выплеснуть нашу ярость.

**ИМПУЛЬС
#ЯРОСТЬ**

Диана Зотова

1.2

Ветер свистел в ушах, а в груди клокотала первобытная жажда разорвать на части весь этот чёртов мир. Потому и вылетел я из машины, как голодный зверь, желая только выпустить поскорее свою ярость.

Закинул на плечо спортивную сумку. Посмотрел на двух охранников, которые в очередной раз увидели меня уже заряженным. И привычно головой покачали с очередным сочувствием.

— Хотя бы пару раундов дай, — хмыкнул Валера, поправляя наушник связи.

— Конечно. Нет! — оскалился я, и клыки будто сами проступили сквозь улыбку. Ввалился внутрь подземного клуба «Кровь и сталь» — места, где правила диктуют кулаки, а репутация строится на сломанных костях.

Сначала меня встретил обычный ночной клуб. Его пестрая мешанина тел, танцующих и толкающих выпивших людей. Под софитами, брызжащими холодным светом, они отплясывали под оглушительные басы музыки. Дергались хаотично и бессмысленно, будто муравьи в стеклянной банке. А у входа в самую обитель крови и сломанных костей встретил меня друг.

Арсений улыбался, обводя взглядом танцпол. Но как только его глаза напоролись на меня, друг выпустил кольцо

дыма изо рта и вздохнул угрюмо. Это он уже понял, что я на взводе. А значит, и шоу, как начнется, так сразу и закончится.

— Ну какого черта? Что могло по дороге случиться? Метеорит мимо пролетел и вот так взбесил?

— Девчонка, — бросил я коротко, перед тем как толкнуть тяжёлые двери, ведущие вглубь клуба.

Друг за мной следом пошёл, чтобы очередных нагоняев вставлять. Это уже было привычно.

— Вильям, ты два раунда ему дать должен. Глыбин ведь просил...

— Мне плевать! — отрезал я, даже не оборачиваясь.

Выхожу на балкон, который расположен для ВИП-персон, и, пока прохожу по нему, кошусь на ринг. Вижу, что вокруг него уже толпа отплясывает, возбужденно перекрикивая музыку. Все в ожидании кровавой бойни и в предвкушении зрелища, где бой желали, как дешёвое пиво в этот пятничный вечер.

Мельком замечаю, как посыпают новый песок по рингу, чтобы прикрыть прошлые следы моей расправы над бойцом, который так самонадеянно и громко кричал, что мне жить осталось пару секунд.

Вспоминаю, как этот боец хрипел, задыхаясь, как глаза его расширились от ужаса, — и усмехаюсь, толкнув двери своей раздевалки. Воспоминание греет душу, как глоток крепкого виски, и одновременно оставляет горький привкус,

который я давно перестал пытаться смыть.

Бойцы нашего клуба встретили меня со вздохом. Как, впрочем, и все, кого я успел сейчас повстречать.

Бросил сумку с плеча у своего шкафчика. Скинул с себя кожаную куртку, швырнул её на скамью — та легла бесформенной кучей, как поверженный противник. От меня пахло улицей, бензином и чем-то металлическим, и этот запах был абсолютно моим.

Я так пахнуть любил.

— Снова в мясо, Импульс? — усмехнулся Блок, поправляя ленты на кулаках.

— Снова в фарш, — поправил я его и оскалился, обнажая зубы в хищной усмешке. — Разница есть, дружище. Смекаешь? — поиграл я бровями.

Блок, Мешок и Глыба усмехнулись и головой покачали — привычно, почти обречённо, будто уже видели, что будет дальше. А Сеня в голос простонал, закатывая глаза к треснувшему потолку раздевалки:

— Скажите ему, что нам конец, если он не сделает того, о чём просил его Глыбин.

— Да, Вильям. Крёстный деньги терять не любит. А он приличную ставку сделал на твой третий раунд, — говорит Глыба, обматывая костяшки лентой с методичной неторопливостью.

— Не обессудь, но мне на твоего дядю параллельно. Я уже отдельный боец. На меня его угрозы не действуют. Хочу кро-

ви — значит, она будет! И плевать мне на его бабло, — про-рычал я, стянув с себя одежду с силой, ведь ткань уже мешала мне дышать.

— Ну какая речь! — зарычал Сеня, всплеснув руками. — А на своё бабло тебе, значит, тоже плевать? У тебя в фитнес-клубе до сих пор в упаковочной плёнке тренажёры стоят. Они ждут оплаты! Выдержи два раунда, иначе придётся тебе тачку продавать!

— Черт! — резко крикнул я и ударил кулаком по железному шкафу. Удар отозвался резким эхом, заставив всех вздрогнуть.

Каждый в раздевалке дышать перестал. А я чуть с ума не сошёл от того, как все мои мыслительные процессы зашалили, намереваясь реально затушить дикий импульс, что уже сжигал меня изнутри. Он пульсировал в висках, отдавался в пальцах, заставлял мышцы дёргаться, словно само тело хотело вырваться из кожи.

По-хорошему, мне бы в психушку лечь. Ведь ходить такому, как я, по белому свету опасно для самого света. Я с этим чувством биться уже устал. Потому что смысла нет, ведь оно всегда со мной, как пульс необходим.

Но обуздать его я научился. Поэтому я ещё в клубе. И за то самое бабло дерусь с бойцами, что вышли против меня. А мой друг, еще с детского дома, пытается эти деньги направить в правильное русло. Он будто верит, что во мне ещё осталось что-то годное. Хотя там даже крупички нет из этого-

все давным давно сгорело.

Посмотрел на Арсения, который так и стоял позади меня с разведенными в стороны руками. И прорычал:

— Ладно.

Переодевался, дыша как бешеная псина. Даже психовал, что шорты не выворачиваются, будто сама ткань восстала против меня. Пот стекал по спине, и я стискивал зубы, чтобы не сорваться снова. Так же резко намотал ленту на кулаки. А потом, шипя себе под нос проклятия, пошёл на выход.

Плечом толкнул дверь раздевалки, чтобы открыть, так что та ударилась о стену с грохотом, объявляя о моём приближении. А там уж и диктор вещать начал, когда зверь в клетку вошел:

— Ваши ставки приняты! Ваши глазки наблюдают! Ваши крики делают его яростнее и непобедимее! Встречайте! В клетке наш любимчик публики и реальный зверь — Импульс!

И под крики с овациями, под рёв толпы я входил в ринг, усыпанный песком. Смотрел на свою жертву без привычного оскала, ибо в этот раз у меня стояла двойная задача. Нужно было не только выиграть бой, а продержаться два раунда. Дать публике грёбаное шоу, на котором Глыбин заработает, и я тренажеры оплачу.

Песок хрустел под подошвами, впиваясь в кожу сквозь тонкую ткань, и этот мелкий, колючий дискомфорт был мне нужен. Он приземлял, возвращая в реальность, где всё ре-

шалось силой и болью.

Ну, погнали!

Однажды в их жизни появится самый настоящий ред флаг. И тогда встанет выбор: оттолкнуть его или податься.

Книга из подборки "Хэштегнутые" (жми на название)

Глава 2

— Дыши глубже, Виля. Осталось совсем ничего. Всего-то раунд продержаться, — шепчет Сеня.

Он, как и Олег, вытирает кровь с моего лица, промокая ватой сочащуюся кожу. И каждый раз, когда вата касается ссадины, по затылку прокатывается колючая волна боли, будто царапают ногтями. Я чувствую, как тёплая, чуть вязкая жидкость стекает по скуле и скапливается в уголке рта. От этого солоноватый привкус оседает на языке, въедается в зубы, делает каждое шипение друга ещё отвратнее для моего слуха.

Смотрю на него и не могу сдержаться, чтобы не закатить глаза. Ведь это раздражение царапает изнутри, как ржавый саморез, что проворачивается в свежей ране. В груди всё туго стянуто, будто рёбра сжимает стальной обруч, и ведь хочется рывкнуть, чтобы они убрали руки. Чтобы перестали изображать заботу обо мне. Потому что эта показная мягкость злит меня ещё больше.

Но прозвучало бы это как жалость, а жалость я ненавижу.

— Он меня уже раздражает, — рычу я, переводя взгляд на соперника, услышав, что голосовые связки тоже потрескались от ярости.

Он ведь в два раза больше меня. В два раза сильнее в ударах. И каждый его хук словно кувалда, а каждый апперкот — будто удар титана. Только вот неповоротливый и совсем

заторможенный. Движения медленные и довольно предсказуемые.

И, как оказалось, получать от него по морде совсем уж невыносимо для меня. Мои лёгкие уже будто с кровью дышат. Ведь я слышу, как они хрипят! И такой вдох царапает горло изнутри, будто по трахее проводят наждаком, оставляя глубокие борозды.

Он мне еще нос с одного удара вынес! И теперь из ноздрей сочится тёплая струйка, что пачкает губы, стекая к подбородку. Я непроизвольно слизываю её, ведь рефлекс требует вернуть себе хоть каплю жизненно необходимой жидкости, чтобы снова почувствовать себя живым, а не куском мяса, который сейчас молотят. И с брови кровь капает, потому что от его силы, которую он приложил, вены решили неожиданно шмальнуть. Тонкая багровая дорожка стекает по виску, щекоча кожу, и эта щекотка бесит до зубовного скрежета!

Но чем больше шкаф, тем он сильнее падает! Эта мысль бьётся в голове, как метроном, задавая мой привычный ритм ярости. Тик-так, тик-так — и каждый удар отсчитывает секунды, когда я смогу наконец выпустить эту дрянь наружу, чтобы дать ошпарить этого бойца.

И пока меня в порядок приводят, в голову просачиваются из ниоткуда воспоминания про детский дом. Когда я себе так каждый раз говорил, вступая в схватку со старшими. Точнее, с теми, кто считал себя королями этого гнилого маленького мирка.

Нет, я не был хорошим мальчиком. Ибо я уже был зол на весь этот мир и его наполнение. На те серые стены, на вечно голодные желудки и на правила, придуманные сильными для слабых.

Поэтому меня не могло ничто остановить! Я бил — и я был вынужден это делать. А теперь это приносит мне облегчение, будто выпускает пар из кипящего котла внутри. Это как будто мне дарует покой, потому что ярость в эти моменты насыщения становится управляемой, как дикий зверь, которого ты наконец заставил лечь у твоих ног. Как у одинокого волка, что доказал всем вокруг, что он годеи в этой степи жить. Он альфа, чёрт возьми, хотя сам по себе. Неприкосновенен!

И там мог выжить только сильнейший! А я доказал это не раз.

В детском доме всегда свои порядки. Где-то хорошо — если нашёл себе покровителя, а где-то было как у меня... херово! Когда ты один против всех, когда каждый день был проверкой на прочность. И когда единственный язык, который понимают, это язык силы. И я выучил его в совершенстве до самой последней интонации и до того, как правильно рассчитать удар, чтобы он не просто причинил боль, а сломал.

Возможно, я когда-то и был здоровым мальцом с нормальной психикой. Возможно, играл в машинки и пускал из слюней пузыри. Возможно, когда-то я радовался жизни. Возможно! Но всего этого я не помню. Потому что моя жизнь начала

отсчёт поновому, когда она привела меня в детский дом.

Я этот день помню прекрасно, хотя мне и было всего-то шесть лет. В тот день она была на «синей волне». Шаталась, еле ногами переставляла, но силы находила толкать меня, плачущего, вперёд. Я в сандалиях осенью послушно шлёпал прямо по лужам, не подозревая, что меня ждало впереди.

Было ли мне холодно? Пф! Мне было уже тогда плевать на дождь и холод, потому что я ревел и умолял её этого не делать, когда увидел, куда мы пришли. Хватался за её куртку, цеплялся за подол платья в надежде, что она одумается.

Какой там холод, простите? Когда ты уже понимаешь, что ты стал чьим-то лишним грузом. Именно с этого дня и началась моя новая жизнь. С того самого часа, когда она, несмотря на мои слёзы, подписывала документы. С той самой минуты, когда меня держал за шкварник охранник вместе с директором этого заведения, пока я смотрел ей вслед. Той, что даже не обернулась.

В первый же день это стало принятием моей новой жизни. В тот же день я осознал, что любые чувства — это просто слабость. И со второго дня другие дети мне это доказывали. Я закрылся. Захлопнулся изнутри, как стальной сейф, щёлкнув замком на всём, что могло болеть. Вот тогда я дал просрать каждому. Я просто жрал всех, ломая их уверенность в том, что могут меня сломать. А там уж и понял, что мне хорошо, когда я делаю плохо. И мне нравится видеть, как уязвим человек передо мной, как гаснет огонь в его глазах.

Как страх проступает на чужой морде и как она перестаёт казаться уверенным лицом.

Псих ли я? Нет! Я просто в ярости. В той самой ярости, что родилась в тот дождливый день, когда оставили меня в детском доме.

— Пора, Импульс! — кричит Олег.

Звук гонга врзается в уши, как удар, заставляя мышцы резко дёрнуться в готовности, будто ток прошёл по позвоночнику, заставив каждую мышцу напрячься. Улыбнувшись, коротко киваю Сене и поднимаюсь со стульчика в углу клетки. Прыгаю на месте, чтобы размяться, и чувствую, как по бёдрам плывёт горячая волна напряжения, чтобы выплеснуть всё, что накопилось.

Смотрю на бойца напротив: здоровяк с бычьей шеей и кулаками гириями. Он ухмыляется, вероятно, уже заранее празднуя победу. Ведь в этой ухмылке проскальзывает та самая уверенность, что меня можно сломать. Для него же печально, что это совсем не так.

Разминаю шею резкими движениями, слышу лёгкий хруст позвонков — этот звук успокаивает, напоминая, что я всё ещё здесь. Я заряжен и готов получать ещё пару ударов от него. Всё ведь ради шоу!

И улыбаюсь, как шальной, потому что знаю, что в третьем раунде я его в песок закопаю. Заставлю глотать пыль, вымаливать пощаду. И сожалеть, что вышел против меня. А пока раунд идёт своим чередом, я намеренно пропускаю пару

ударов, от которых щека теперь горит, а в виске пульсирует.

Меня не решался никто брать в приёмную семью. Директор — старый козёл с тупым взглядом — явно предупреждал всех: «Этот — безнадёжен. Дикий, неуправляемый, кусается». Поэтому я существовал там до самого выпуска. И за это время у меня был только один друг...

Сеню я выгрыз у шайки шакалов, которые с первого дня, как он поступил, травили его без жалости. Он был худеньким, тихим, с глазами, где горел один лишь страх. Он был идеальной мишенью для тех, кто хотел почувствовать себя сильнее. А я был одиноким волчонком. Злым и никому не верящим. Я и не думал, что этот мальчишка потом окажется моим «хвостом».

Да, в нашем доме имелись шайки, которые издевались как могли и этим доказывали себе, что они не пешки, а ферзи. Я в своё время чётко указал им, что меня стороной лучше обходить, — парой жёстких уроков научил уважать границы. Но однажды, сидя в сквере на скамейке и доедая последнюю конфету, я не смог смотреть, как над Арсением издевается эта самая шайка.

Мне надоело.

Они окружили его, толкали, ржали, тыкали пальцами. А он стоял, сжавшись, и пытался не показать, как ему страшно. В тот момент я впервые испытал чувство жалости. Помню это ощущение до сих пор. Оно было острым, будто нож в груди провернули. Сердце сжалось, и руки задрожали вместе

с губами. У меня тогда впервые слеза скатилась по щеке — первая после того, как меня отдали в детский дом. Я не выдержал. Вскочил, отбросил фантик и пошёл истреблять всё то, что мне надоело.

И тогда я даже не догадывался, что перестану быть одиночкой. Не думал, что этого пацана я буду считать своей семьёй. Что он станет тем единственным, кому я подпущу к себе близко. Я подпустил к себе только одного его — и по сей день об этом не жалею.

Резко звучит гонг. Он врывается в сознание и обрывает воспоминания, чтобы вернуть меня в клетку.

— Не думал, что тебя будет так просто размазать, Импульс, — прорычал мой соперник.

Он навис надо мной, как гора мускулов с мордой бульдога, что было похоже на лицо после недельного запоя. Его дыхание обожгло запахом дешёвого табака и чемто прогнившим. Запах только подстегнул ярость, заставляет её пузыриться в венах, как кислота, чтобы разъесть остатки моего самоконтроля.

Я валялся на песке, пытаюсь отдышаться, и чувствовал, как меня кроет от ярости. В висках стучало: «Вставай, рви, ломай!»

— Чёрт! Виля, ты только не убей его. Пожалуйста! — шипит Сеня, когда я падаю в свой угол ринга.

Я сейчас уже на друга не смотрел. В голове билась чёткая мысль: «Два раунда истекли. Теперь можно поддавать жа-

ру». Каждый нерв дрожал, готовясь взорваться. И это предвкушение было почти сексуально острым, ведь будоражило, заставляя кровь бежать быстрее.

Я смотрел уже только на соперника — с безумной кровавой улыбкой. В глазах не было ни тени сомнения, а только холодная и беспощадная правда, что обещает ему конец. И я прекрасно понимал, куда именно я ударю в следующем раунде.

Этот шкаф с кулаками-гирями просто ещё не знал, что его ждёт.

— Вильям! Приём! — шипит Сеня и трясёт за плечо. Он пытается достучаться до остатков моего рассудка. Его пальцы впиваются в кожу, и эта боль на секунду и правда пробивается сквозь пелену. Но она тут же растворяется, потому что она уже ничто по сравнению с той бурей, что бушует внутри.

Я уже ничего не слышу. Всё вокруг сникло — звуки толпы, голоса секундантов, даже собственное дыхание.

— Бесплезно, Сень, — вздыхает обречённо Олег где-то на периферии моего сознания. — Он и так молодцом сдержался на два раунда. Теперь его не остановить.

— Чёрт! — шипит Сеня. Он вставляет мне новую капу в рот.

А когда звучит гонг, я, коротко улыбнувшись, иду прямо на своего соперника, чеканя шаг, будто каждый шаг — гвоздь в его надуманную победу.

Всегото парутройку ударов даю, уже до этого отметив его несколько уязвимых мест: висок, кадык, солнечное сплетение. Он дышит, как загнанный бык. Смотрит на меня мутными глазами, кулаки стали для него тяжестью, тело и вовсе было для него грузом.

Я двигаюсь быстро и уверенно, танцую вокруг него, как коршун над мышкой. И решающий удар становится моим. Я его наношу в прыжке, с разворотом, точно в челюсть. Слышится резкий хруст, что врезается в мозг, как сигнал, кричащий о том, что точка невозврата пройдена.

Соперник валится, как срубленное дерево, поднимая облако песка вверх. И мне бы остановить себя. Правда, стоило бы. Он уже пал в песок, раскинув руки в стороны... Но я был в ярости!

Я бью и смеюсь. Кулаки врезаются в его лицо, снова и снова. Кровь брызжет на песок, на мои руки, на шорты — алая, липкая, горячая. И её запах, металлический, резкий, только подстёгивает, заставляет бить ещё и ещё, пока руки не становятся тяжёлыми, а костяшки не горят от боли.

Он уже без сознания, только дёргается слегка, как сломанная кукла. А я всё бью — по роже, по скулам, по носу, — пока меня не оттаскивают наши же бойцы. Они хватают за руки, за плечи, кричат что-то в уши...

И я услышал звуки вокруг — те, которых совсем не было, пока я был в этом аду ярости. Затихла даже музыка, басы больше не сотрясают стены, диктор больше не сказал ни

слова. Наступила тишина, будто весь клуб затаил дыхание, и в этой тишине каждый шорох звучал как крик.

И в этой мёртвой тишине тихо, с ужасом, шепчет Сеня:
— Твою мать, Виля... Ты ему челюсть изрешетил, нахер!

Новинка из серии "Хэштегнутые".

Встречайте горячую новинку Юлии Герман!

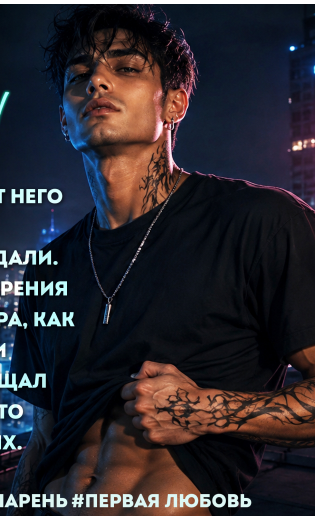
Трэшмейкер #НаучуПлохому

ЮЛИЯ ГЕРМАН

ТРЭШМЕЙКЕР
#Научу_плохому

ТАКИЕ, КАК ОН, – РЕД ФЛАГ. “ДЕРЖИСЬ ОТ НЕГО
ПОДАЛЬШЕ”, – ГОВОРИЛИ МНЕ.
“РЯДОМ С НИМ ОПАСНО”, – ПРЕДУПРЕЖДАЛИ.
НО СТОИЛО ЛИШЬ РАЗ ПОПАСТЬ В ПОЛЕ ЗРЕНИЯ
ГЛАВНОГО ТРЕШМЕЙКЕРА НАШЕГО УНИВЕРА, КАК
Я СТАЛА ЕГО ГЛАВНЫМ ПРОЕКТОМ И
ЕДИНСТВЕННОЙ БОЛЕЗНЬЮ. ОН ПООБЕЩАЛ
НАУЧИТЬ МЕНЯ ПЛОХОМУ, НЕ ЗНАЯ, ЧТО
ЭТО РАБОТАЕТ В ДВУХ НАПРАВЛЕНИЯХ.

#ОТ НЕНАВИСТИ ДО ЛЮБВИ #ПЛОХОЙ ПАРЕНЬ #ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Глава 3

— Ты совсем уже охренел?! — врывается в раздевалку Глыбин со своими бульдогами — здоровенными лбами, от которых наверняка коленки должны трястись у такого, как я. Но не трясутся. Зато воздух в помещении начинает душить.

Смотрю на владельца клуба и лениво усмехаюсь, потому что мне на всё происходящее плевать с высокой колокольни. Кровь на губе пульсирует, и каждый удар сердца отдаётся в рассечённой коже. Я чувствую, как под рёбрами закипает знакомая дрянь.

— Ты чего ржёшь, недалёкий?! — орёт он в голос, разбрызгивая слюной по сторонам. Его лицо становится лилового оттенка, ведь он тоже сейчас в ярости. Оно наливается, как перетянутый шланг, от этой бесконтрольной злости, поэтому мне становится почти смешно видеть, как он не может её удержать.

Снова импульс передёргивает всё тело, так что мозг туманит — будто кто-то включил рубильник дикой, необузданной силы. Чувствую, как мышцы напрягаются сами, как плечи подаются вперёд и как кулаки сжимаются до жара в ладонях. Впрочем, потому я и бросаюсь на Глыбина.

Реакция всегда была быстрее мысли, инстинкт и сейчас был сильнее рассудка. Успеваю ему в челюсть дать — быстро и с хрустом, который отдаётся приятной вибрацией в за-

пастые.

Это было до того, как меня скрутила его охрана. Сейчас же кулаки горят от желания продолжить, и костяшки ноют, чтобы продолжить начатое, дабы дойти до конца.

— Угомонись, Вильям, — шипит Валера, вцепившись в моё плечо жесткой хваткой. Его пальцы впились так глубоко, что на коже наверняка проявятся синяки.

— Ты и так уже в заднице, — добавляет второй, вдавливая меня в стену. Холодный бетон грубо царапает лопатки сквозь ткань футболки, как вся эта ситуация жестоко разрывает мое терпение.

— Вот же сука неблагодарная! Бешеная! — шипит Глыбин, разминая челюсть, и в его глазах мелькает не просто злость — там чистый животный страх пополам с бешенством. Меня это распаляет ещё сильнее, потому что я вижу, как он боится меня.

Черт, да он в ужасе!

Но потом вдруг подскакивает и сам пробивает мне по лицу со злостью и без замаха, а следом в рёбра, рыча о том, какой я прекрасный и самый лучший. Голова дёргается в сторону, в глазах вспыхивает белая искра, но я стискиваю зубы и не издаю ни звука, ведь я не дам ему этого удовольствия.

И когда он заканчивает свою истерику, я уже вишу, поддерживаемый его ребятами, что продолжают держать меня под руки, как мешок с костями, а не бойца, который только что отправил противника в нокаут.

Харкаюсь кровью. Она падает на пол тёмными и почти маслянистыми каплями. И улыбаюсь, смотря на жалостливое лицо Сени и злую морду Глыбина.

— Так! Ладно! — Глыбин ходит из угла в угол, держится за переносицу, шипя себе под нос. — Я всё-таки на тебе деньги немалые делаю, и ты всё же обогатил меня сегодня. Но, твою ж мать, Ярышев! У этого бойца крыша больше моей будет в два раза! Я-то примерно понимаю риски, а ты, ублюдок, сечешь?

— Убьют? Или сяду за решетку? — усмехаюсь я, сплевывая кровь. Во рту металлический привкус, который уже въелся в язык, чтобы стать частью меня.

— Тебя и тут, и там грохнут! — рычит он и снова бросается на меня, чтобы ударить в живот без жалости. Воздух с хрипом вырывается из лёгких, а я складываюсь пополам. Но я не падаю, потому что его охранники продолжают держать.

— Тварь! — рычу я, пытаюсь отдышаться.

— Сама такая! — шипит он мне в лицо.

Глыбин схватил меня за волосы, дёргая голову вверх, чтобы я посмотрел на его морду и видел, как в его взгляде плещется смесь страха и бешенства. И снова получал капли его яростных слюней, пока он ими извергался, шипя мне в лицо:

— Слушай меня внимательно, если ещё жить хочешь! Сейчас ты из города валишь, сразу, как из клуба выходишь. На связи будешь только с Арсением. Я же попробую решить вопрос, ведь опять же ты, сука, для меня золотая жила! Я

не планирую такого лишаться. И я не знаю, насколько тебе затаиться придётся, но сделай услугу? Сгинь на дне, пока я не решу этот вопрос!

— Так я уже там, — хмыкаю я, несмотря на боль.

— Ты меня достал! Я серьёзно, Вильям! Тебя грохнут или, куда хуже, отрабатывать заставят за этого бойца. В рабах я тебя вообще не вижу, ибо понятно, что с тобой устанут спорить и всё равно грохнут! Так что ищи дно! И вали туда, Ярышев, — рычит он мне в лицо, встряхивая за волосы.

— Есть дно, — вдруг врывается в диалог Арсений.

Глыбин кивает мужикам, и меня отпускают. Падаю на пол и хриплю, пытаюсь отдышаться. Каждая кость болит, в ушах звенит, но сознание остается ясным — единственное, что не пострадало.

— Пусть туда валит. И не высовывается. Иначе нас тут всех порешают, — говорит Глыбин и, бросив на меня последний тяжёлый взгляд, уходит из раздевалки, оставляя после себя запах дешёвого одеколона и несбывшейся угрозы.

Я же начинаю хрипло смеяться. Потому что сразу понял, о каком «дне» вещал мой друг. И в этом смехе больше горечи, чем веселья.

— Я туда не вернусь, — задыхаюсь я от смеха, но это уже не смех, а сухой, горький выдох.

— Большого дна и нет, Вильям, — вздыхает Сеня, устало потирая переносицу. — Тебе только там залечь можно. Безопаснее места сейчас не найти.

— Твою мать, — хриплю я и спиной облакачиваюсь на скамейку, чувствуя, как холодный металл впивается в спину, пробираясь сквозь ткань. — Ненавижу этот город. Каждый его угол, каждую улицу, каждый проклятый фонарь, который там видел.

— И я, — вздыхает друг, уже садясь рядом. — Там квартира от бабушки у меня осталась. Я в ней ремонт сделал в том году, чтобы на продажу выставить. Но знаешь ведь, что район — дно, так что до сих пор на продаже стоит. Типичный отстойник: серые дома, разбитые тротуары, дети, которые уже в десять лет смотрят на мир так, будто видели всё самое худшее.

— Я туда не вернусь. Что не ясно-то? — фыркаю я.

— У тебя выбора нет! — резко повышает голос Сеня, и в его глазах мелькает что-то новое — не страх даже, а отчаяние. — Ты бойца разнес, у которого крыша есть! Ты видел, на чём он приехал? Нет? А я видел! Чёрный «Майбах» с тонировкой, как у министра. Знаешь, какое бабло сейчас летит на счёт Глыбина? Такое, благодаря которому тебе возможность жить дают! Поэтому поднимаешь свою задницу, Виля, и ныряешь в это дно!

Хмыкаю, смотря устало на друга. Его штормит в разные стороны — то он мой защитник, то мой судья. Видно, как боится за меня, как сжимаются его пальцы, будто он хочет схватить меня за плечи и встряхнуть: «Очнись!» А я... Я боюсь только на то дно возвращаться, откуда мы ноги сделали

с ним, как только средний палец детскому дому показали.

Это страх не за жизнь — за то, что дно затянет, засосёт, и я снова стану тем, кем был: одиноким волчонком, который кусает всех подряд, потому что не умеет иначе.

Сегодня! В серии "Хэштегнутые" еще одна новинка!

Майя Рид

Мрак #Одиночество

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.